

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

**СОЦИОЛОГИЯ БУДУЩЕГО:
ПОДХОДЫ, ПОИСКИ,
ПРОБЛЕМЫ**

Волков Юрий Григорьевич

Доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

**SOCIOLOGY FUTURE:
APPROACHES, SEARCH,
PROBLEMS**

Volkov Yury G.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored Science Worker,
Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Статья посвящена перспективам социологии будущего как самостоятельного направления развития отечественной социологической мысли, рассматриваются категории, вводимые в социологический оборот в контексте исследования будущего как социальной реальности. Отмечается, что социологический диагноз и социологическая экспертиза содержат возможности формирования сценарного мышления, что в современном социологическом знании гуманистический поворот заключается в том, чтобы определить потенциал различных социальных групп и общества в целом для созидания будущего.

Ключевые слова: социология будущего, сценарное мышление, креативный класс, творческие практики, потенциал созидания будущего, социологический диагноз и социологическая экспертиза.

The article is devoted to the prospects of sociology of future as an independent direction of development of domestic sociological thought. The categories, coined in sociology in the context of the study of future as a social reality are considered. It is noted that sociological diagnosis and sociological expertise include the possibilities of forming of scenario thinking and humanistic turnaround in modern sociological knowledge means the determination of the potential of various social groups and society as a whole to build up the future.

Keywords: sociology of future, scenario thinking, creative class, creative practice, potential of building the future, sociological diagnosis and sociological expertise.

Рассматривая развитие социологической мысли в России, следует подчеркнуть, что лейтмотивом оценки состояния российской социологии можно назвать ориентированность на социальную диагностику, на самопознание российского общества, на то, чтобы социология стала публичной в подлинном смысле этого слова, была предназначена не для удовлетворения рынка «социологических услуг», а формировала в обществе уверенность в будущем. Это представляется необходимым, так как современный мир характеризуется возрастанием социальной турбу-

лентности, социальной неопределенности. Для социологической мысли, которая в традиционном контексте носит актуалистский смысл, становится важным продуцировать новые знания, новые смыслы, несмотря на многообразие и противоречивость социальных процессов, на то, что, как бы ни описывали современную эпоху (поздний модерн, постмодерн), социальная значимость социологии заключается в том, чтобы воспроизводить социальную компетентность, знание личности о тенденциях и механизмах общественной жизни, таким образом ориентируя человека в усложняющемся современном мире. Подчеркивая эти обстоятельства, следует исходить из того, что социологическая мысль нуждается в интерпретации прошлого, настоящего и будущего, так как будущее – это не только желаемое или воображаемое состояние, но и то пространство, в котором проявляются тенденции, исходящие из актуальных событий и актуальных состояний.

Также рискуем утверждать, что в понимании будущего социологическая мысль «топчется на месте», неизбежно скатывается к мелко-темью, стоящим перед российским обществом фундаментальным вызовам. Можно констатировать, что российская социологическая мысль в разработке социальных проблем современности упускает важное обстоятельство, связанное с тем, что для понимания состояния общества требуется выявление перспектив социального развития, того, что не только будущее вырастает из настоящего, но и в том, каким будущее представляется обществу, во многом определяется восприятие актуальных событий и фактов.

В вышедшей под многозначительным заголовком книге английского социолога Дж. Урри «Что есть будущее?» [1, с. 11] ставится проблема не только критического осмысления футурологических концепций, но и актуализируется вопрос о том, какой может быть социология «за пределами обществ», то есть социально-проективной социологией. Неслучайно в зарубежной социологической мысли делаются попытки социологического предвидения будущего, социологического проектирования. Об этом писали и Э. Гидденс, формирующий идею рефлексивного модерна, и З. Бауман со своей концепцией индивидуализированного общества, и теоретики новой постиндустриальной волны (П. Дракер, Л. Туроу, О. Тоффлер). Можно констатировать, что в самой идее включения будущего в социологический дискурс есть понимание того, что будущее – это не утопия, а социальная реальность, состояние, на которое ориентируется общество в определении целей развития. На фоне возрастающей социальной турбулентности, дискуссии о том, каким видится будущее российского общества, отечественная социологи-

ческая мысль в той или иной степени обязана переориентироваться на понимание социальных процессов как содержащих интенции будущего, на анализ картин будущего в массовых настроениях россиян. Социологии важно не только предложить обществу ограниченный набор альтернатив, которые бы характеризовали позиции по отношению к будущему, но и содействовать формированию сценария будущего общественной жизни [2, с. 11].

Иными словами, отечественная социологическая мысль нуждается в приращении социологического знания на уровне понимания будущего, осознания социологии будущего как самостоятельной социологической теории, имеющей собственный категориальный ряд и предметное поле. Поэтому целью статьи является рассмотрение социологии будущего в контексте существующих концептуальных подходов, конструирование категориальной сетки, определение перспективы развития социологии будущего, тех методологических проблем, с которыми сталкиваются социологи при включении будущего в предметное поле социологии.

Зарубежная социологическая мысль констатирует состояние «ускользающего мира» (Э. Гидденс), «разрыва социальной преемственности» (З. Бауман), и в этом смысле очевидна узость подходов, описывающих «знакомый мир». Как писал И. Валлерстайн, аналитики обычно стоят на позиции функциональной телеологии [3, с. 173]. Аргументация социологии будущего заключается в том, чтобы, отказавшись от мысли о вписанности в логику истории, о том, что будущее неизбежно «наполнено» социальным прогрессизмом, определить альтернативные способы рассмотрения проблемы, исходить из понимания социального развития в контексте фундаментальных социальных изменений, обнаружить фундаментальные тренды общественной жизни.

В критике неспособности современной социологии рационально объяснить будущее, основываясь на принципах объективности и детерминизма, прослеживаются следующие позиции:

1. Будущее не может быть познано по схеме социального детерминизма (ньютонианская модель).
2. Сам механизм рефлексии будущего не может быть постоянным, инвариантным, описывает только ускользающие, изменчивые состояния.
3. Будущее не может быть предметом дискурсивного знания, опирается на практическое знание, на процедуры предвидения и опривычивания.

В этом смысле ясно, что социология не может повторять ошибки предыдущей футурологической мысли, нацеленной на экстраполяцию настоящего в будущее, но вместе с тем в понимании будущего определяющей является преемственность социологической мысли, анализ будущего с позиций осмысления нового социального состояния, в котором бифуркации (точки социального перехода) нацеливают на объяснение сложности, того, как новый порядок рождается из внешне хаотических, разрозненных состояний.

Актуальным становится осмысление социологии будущего в контексте ее основных проблем, способов их рассмотрения, определения параметров нового социологического знания. Делая вывод о том, что современная социология, и это явствует из работ отечественных социологов А.И. Кравченко, М.К. Горшкова, Ж.Т. Тощенко, В.К. Левашова, движется к постижению будущего как закономерного состояния развития социологической мысли, можно констатировать, что легитимирование социологии будущего в рамках социологической теории зависит от того, каким образом работают категории социологии будущего, как в социологии будущего прослеживается гуманистический поворот в социологической мысли.

Объясняя это положение, имеется в виду, что новые сложные социальные реалии предполагают интерпретацию социальных фактов в рамках переосмысления самой природы социальной жизни, понимания того, что возникла новая социально-природная реальность, в анализе которой теоретико-методологический инструментарий исходит из динамичных системных качеств, из того, что нелинейность и сложность рассматриваются как единая парадигма [4, с. 12]. Таким образом, социология будущего строится на гуманистических основаниях, на признании связи тенденций социальной жизни с опытом и с картинами будущего конкретных людей и конкретных групп, можно также говорить о том, что в гуманистическом подходе содержится возможность конструирования лучшего, того будущего, в котором не только просматриваются социальные и технологические риски, настроения алармизма и катастрофизма, но и предлагается если не «совершенный мир», то «реальный социальный оптимизм».

Чтобы преодолеть предубеждение против социологического субъективизма, социология будущего ориентирована на социологический диагноз и социологическую экспертизу. Неслучайно социологический диагноз предназначен для того, чтобы возникла ситуация альтернативности принимаемых решений [5, с. 23–24]. Важно понять, что социология будущего «демократизирует» социологическую мысль, ее внимание

обращено к группам созидающего действия. Данное положение находит подтверждение в исследовании феномена креативного класса, интегральной социальной группы, основным идентифицирующим критерием которой является творческая активность, готовность к совместным социальным преобразующим практикам.

Критика концепции Ф. Фукуямы как идеологизации «американской мечты» внесла в социологию позицию умеренного скептицизма. В теоретико-методологическом аспекте это привело к тому, что возникла парадоксальная ситуация, связанная, с одной стороны, с признанием поиска новых интегративных парадигм, с другой – с тем, что в предметном поле социологии практикуются методы различения, бинарности, что само настоящее рассматривается на основе редукционизма, сведения к простым, «неразложимым», социальным актам. То, что современная социологическая мысль обращается к исследованию явлений социального микроуровня, может квалифицироваться как свидетельство ее гуманизации, но в этом исследовательском контексте прослеживается тенденция микроскопизации социологического знания, знания того, что социолог если и может понять сложность происходящих процессов и явлений, то тем, что подчеркивает превосходство практического знания, того, что определяется рутинными практиками.

Инструментарий социологии будущего нацелен на понимание интегративности социальных макро- и микроуровней в движении к новой объективной реальности, к состоянию общественной жизни, определяемой выбором действующих социальных субъектов. Если считать, что креативный класс является группой солидарного действия, что формирование социальных качеств характеризуется ориентацией на будущее [6, с. 181] для социологии будущего, «будущее» как социально-аналитический конструкт есть возможность понимания логики поведения новых социальных субъектов, действующих в современном социальном обществе. Также следует говорить о том, что, обсуждая перспективы России как креативного общества, нельзя ограничиваться указанием на процессы модернизации или ремодернизации. Описание этих процессов теряет смысл, если не определяется нацеленность на будущее, на то, каковы мечты россиян о будущем, каким видит свое будущее российское общество, какие группы населения активно приближают будущее.

Вероятно, утверждая гуманистический подход как основной в формировании социологии будущего, следует иметь в виду, что важно не сосредотачивать исследовательское внимание на объективированности будущего, на том, что обозримое будущее есть сфера действия тех-

нологии, экономики и в некоторой степени культуры [7, с. 259]. В социологию будущего вводится императив выбора, что означает легитимацию социальной субъектности, понимание того, что в рамках социологического знания актуализируется рассмотрение социальных альтернатив, образов «реального будущего» [5, с. 123]. Очевидно, что гуманистический подход, связанный с признанием социальной субъектности новых социальных групп и движений как созидателей будущего, основывается на интерпретации настоящего как содержащего тенденции будущего и включающего образы будущего как фактор социальных изменений.

Такое положение важно для того, чтобы определять социологию будущего в рамках объективного социологического знания, которое соответствует критериям достоверности и обоснованности. Не менее значимо, чтобы категория будущего интегрировала как объективные критерии, творческое участие в решении социальных проблем, так и субъективные (уверенность в будущем) [8, с. 19]. Как точно подмечает Д.Г. Подвойский, социология идет третьим, срединным путем [8, с. 68]. В том, что социология исторически сформировалась как альтернатива нерелексивному веществузнанию и утопической философии, нельзя видеть органический недостаток. Другое дело, что в понимании социологии будущего следует не полагаться на унифицированность языка социологии, а действовать в контексте операциональных и проективных понятий. В этом смысле будущее как предметное поле социологического знания связано не столько с терминами «социальное изменение», «социальное развитие», сколько с тем, чтобы предлагаемое понятие будущего сделать работающим социологическим конструктом. Данная задача совпадает с потребностью ввести идентификационные процедуры массовых образов будущего. Поэтому предлагаемый гуманистический подход, рассматривая будущее как кумулятивный эффект социальных действий отдельных индивидов и групп, преследующих зачастую несовпадающие или противоречащие цели, делает акцент на осмыслении будущего как фундаментальной категории, как определенного идеального типа, если пользоваться терминологией М. Вебера. Иными словами, «будущее» есть пограничное понятие, в котором измеряются наиболее значимые тенденции о настоящем.

В этом контексте будущее закрепляет результаты осмысления настоящего и ориентирует на исследование объектов, обладающих потенциалом будущего. Как социологическая категория, обладая определенной степенью новизны, оно содержит обобщающие действия, способствуя пониманию явлений событий и фактов, которые при актуалистской трактовке социологии подвергаются иерархизации, но при

этом исчезают главные определяющие связи. Гуманистический подход, таким образом, действует по логике не субординации, а координации категориального аппарата. В складывающейся картине социологии будущего явным становится переопределение социально-прогностического потенциала социологии, выведение социологического прогноза из состояния частной методологической проблемы на уровень социологической экспертизы как распознавания структурных, функциональных, деятельностных альтернатив [9].

Кроме того, интересной представляется идея о том, что, признавая будущее как «ядерную» категорию, следует развернуть социологические экспликации, характеризующие, с одной стороны, объективные (структурно-институциональные) параметры, с другой – социально-субъектные. Принятие будущего как аналитического конструкта основывается на том, чтобы социология диагностировала структурные и функциональные изменения в обществе, которые называют полями будущего, а восприятие будущего является схемами действия и оценивания социальных субъектов [10].

Итак, социология будущего складывается как система категорий, имеющих «традицию в социальном предвидении», но кооперированных в качестве операциональных понятий, ориентированных на познание будущего в рамках анализа прошлого и настоящего, то, что С.А. Кравченко характеризует как «стрелу времени» [11, с. 13]. Рассматривая перспективы социологии будущего как нового предметного поля социологии, важно обратить внимание на то, что речь идет не столько о легитимации будущего как сферы познания социологии, сколько о том, какой может быть работающая модель социологии будущего, совместимая с границами достигнутого социологического знания и с возможностью его приращения.

Российское общество нуждается в сценарном мышлении, в том, чтобы на социально-управленческом уровне принимать опережающие решения, чтобы уверенность в будущем стала главным социальным ресурсом. В этом смысле, говоря о концептуальных параметрах социологии будущего, требуется определить, по каким направлениям может идти ее развитие, с какими социологическими концепциями взаимодействовать.

В предисловии к книге известного критика американской политики Н. Хомского подчеркивается, что «если вы хотите изменить что-то, то вам следует попытаться его понять» [12, с. 15]. Для отечественной социологии в этом контексте важно обосновать, что для будущего российского общества имеют значение и социальная компетентность, каче-

ство знания об обществе, то есть социологический диагноз, и способность к социальному изменению, связанному с социологической экспертизой как выдвиганием обоснования и реализации различных вариантов общественного развития.

Можно солидаризироваться с мыслью М.К. Горшкова, что социальный диагноз призван быть обобщением социологической диагностики, связанной с анализом представительной базы результатов социологических исследований [13]. Поэтому социология будущего определяется возможностями социологической диагностики, способностью дать импульс социологическим исследованиям, позволяющим понять и уровень социальной компетентности в российском обществе, и реальные творческие практики россиян, и качество сценарного мышления. Современная российская социологическая мысль накопила обширный материал об адаптивном потенциале российского общества. Но есть определенный социальный риск в том, чтобы не приучить общество действовать исключительно адаптивно, так же как и не воспринимать социальные изменения как потенциальные социальные риски. В этом смысле ангажированность социологии будущего проявляется в том, чтобы преодолеть страх изменений в обществе в той же степени, как и показать объективную картину устремлений к идеалам будущего России. Можно полагать, что если от общества требуется социальная ответственность, в равной степени как способность к социально-стратегическому планированию со стороны элит, в рамках социологии будущего важным является использование процедур социологической диагностики и социологической экспертизы в целях исследования будущего для производства социально ориентационного знания.

В концентрированном смысле социология будущего выражается в теории социального творчества, в способности общества создавать будущее в результате осмысления опыта прошлого и оценки настоящего. Социологическая мысль испытывает дефицит публичного признания, так как строится по «цеховому» принципу или по тому, что можно назвать рецидивами позитивизма. Но одновременно ясно, что для отечественной социологии тупиковым является постулирование социальной неопределенности, отказ от основных социологических постулатов, которые исходят из объективности и системности социологического познания. В этом смысле социология будущего воспринимается как пространство дискуссий о судьбе социологии, о том, что преодоление отставания социологической мысли от изменяющейся социальной реальности возможно через конструирование будущего, через рассмотрение в состояниях будущего трендов настоящего.

Социология будущего является по существу социологическим мегапроектом, нацеленным на то, чтобы консолидировать усилия теоретиков и практиков социологической мысли в преодолении пресловутого разрыва между социологической теорией и прикладной социологией. Также позитивную роль играет междисциплинарный эффект: социология будущего включает достижения различных социально-гуманитарных наук. Очевидно, что для постижения будущего следует основываться на знании, накопленном социально-психологической, правовой, культурно-антропологической мыслью.

Важным моментом можно считать, что социология будущего, оставаясь верной традиции социологической объективности, повышает ее концептуальный уровень до осмысления проблем, которые традиционно входили в сферу интереса социально-философской мысли. Как показывает категоризация социологии будущего, для исследователя непреложным становится обращение к схемам исторического целеполагания, концепциям общественного развития, проблемам социальной аксиологии.

Можно констатировать, что на фоне возрастающей в глобальном измерении неуверенности в будущем все большую актуальность обретает социальная креативность как способность предвидеть и, главное, творить будущее. При этом группы, имеющие креативный потенциал, не представляют «утопический конструкт», действуют исходя из того, что будущее «находится в их руках». При этом важно учитывать, что, несмотря на сложный процесс адаптации в российском обществе, проявляется тенденция к тому, что россияне ориентированы на социальную и экономическую самостоятельность, на опережающую активность. Особо следует отметить, что для массовых настроений в российском обществе несвойственны завышенные статусные требования и ожидания, что свое будущее они видят в социальной справедливости, в равных правах для всех. Эта позиция преобладает в основных мировоззренческих группах российского общества (правые либералы – 32 %, левые либералы – 46, левые государственники – 49 %) [2, с. 51]. Этот факт обязывает к тому, что в социологии будущего важно проанализировать процесс ожиданий основной массы россиян. Говоря об этом, следует сказать, что таким образом социология будущего концентрирует внимание на основных проблемах российского общества, к каковым относятся и проблема социальной справедливости, и связанные с этим конфликты по поводу социального неравенства.

В то же время для социологии будущего характерно, в отличие от актуалистских социологических исследований, рассматривать указан-

ные социальные проблемы как стартовые факторы в понимании будущего. Устойчивая тенденция роста ожиданий справедливого общества показывает, что для социологии будущего наиболее приемлемым является рассмотрение будущего в рамках анализа динамики общественных настроений и основных тенденций общественного развития, соотнесения картин будущего в российском обществе с реальными настроениями россиян и с тенденциями, которые проявляются в социальной структуре общества. Немецкий социальный философ У. Бек, описывая путь к другому модерну, отмечал, что новое общество как общество риска создает ситуацию «новой необозримости» [14]. Для него исследование будущего ограничено, так как традиционные социальные структуры и институты размываются, «располовиниваются», и определяющими становятся неузнаваемость последствий социальных действий и отсутствие ответственности за них.

У. Бек, как и большинство видных западных исследователей, прощается с эпохой модерна, с тем, что классическая социология выражала как общество социального прогресса. С другой стороны, запускается актуализация новых общественных альтернатив, делается ставка на новые группы, ориентированные на сферы субполитик, субтворчества, сетевого взаимодействия. В таком подходе будущее представляется, с одной стороны, непредсказуемым, но с другой – доминирует спонтанное социальное творчество. При этом неизбежно теряется концептуальный смысл социологии, ее способность к самопознанию общества. Разочарование в социологии как системе знания побуждающего и ориентирующего имеет последствием суждение о кризисности социологической мысли.

Таким образом, обращаясь к социологии будущего, можно говорить о гуманистическом повороте в социологии и о том, что социологическая мысль получает новые импульсы развития на основании преемственности социологической мысли. Очевидно, что для российской социологии барьером является влияние «исторических синдромов», того, что социологи, обращаясь к исследованию социального ретроактивизма, объективно попадают в ловушку «ушедшего времени», связывают настоящее с прошлым и отказывают себе в праве исследовать будущее. В категориальной сетке социологии будущего прошлое и настоящее рассматриваются как производные от ядерного статуса будущего. Уместно сказать, что объяснительный потенциал социологии будущего выявляется в том, что настоящее и прошлое осмысливаются, постигаются, анализируются через то, что в социологической диагностике определяется как достаточность социологического знания, как то, что

понимание будущего включает социологическую информированность [5, с. 40–41].

Основной интерес социологии будущего лежит не в исследовании социальной иерархии, не в том, что является различием в понимании будущего, а в том, что представляет креативный потенциал конкретных индивидов и групп, их ориентированность на созидание будущего. Разумеется, в период социально-экономического кризиса, когда население сталкивается с проблемами социальной адаптации, можно критиковать социально-активистскую модель мировосприятия, исходя из того, что рутинные социальные практики более ситуативно приспособлены. Но, как показывают данные социологических исследований, 52 % россиян полагают, что за свои интересы и права следует бороться. При этом не следует забывать, что 48 % россиян присуща позиция приспособления к реальности [13, с. 175].

Вероятно, такой расклад активистов и фаталистов легитимирует статус социологии будущего, то есть общественные настроения находятся в состоянии неустойчивого равновесия (бифуркации), и можно предположить, что введение в социологический оборот будущего повышает статус активистов, придает им интеллектуальный ресурс. В массовом сознании будущее уже рассматривается не как сфера интересов экспертов, становится сферой публичного дискурса. Социология будущего рассматривает социальные противоречия общества через контекст социального творчества, через то, что на индивидуальном и массовом уровнях определяется как стремление к самореализации, к тому, чтобы внести конкретный вклад в реализацию общественных интересов и создать поле действия для общественной инициативы. Поэтому социология будущего ориентирована на поиск оптимальных форм социального творчества, реализации инновационных социальных практик. Значимым ограничителем развития российского общества является дефицит отмеченных социальных параметров, высокая затратность реализации социальных проектов в условиях социальной пассивности или социального анархизма отдельных слоев населения.

Важно, что социология будущего, рассматривая общество как трехмерный временной континуум, анализирует тренды общественного развития на основе диагностического моделирования, выработки определенных схем социального действия и обоснования социальной субъектности различных социальных групп в соотнесении с критерием социальных практик, с реальными поведенческими стратегиями россиян, с выявлением того, что ориентированность на временные «срезы» показывает и интересы определенных социальных групп, и готовность к

совместным социальным практикам, и то, какими они видят свои социально-статусные позиции.

При этом следует подчеркнуть, что в российском обществе 58 % россиян имеют горизонт планирования от года и более, а 4 % практикуют долгосрочное планирование – от 5 до 10 лет [13, с. 177]. Это свидетельствует о том, что россияне на социальном микроуровне отrekliлись от социального фатализма, считают себя «кузнецами своего счастья», в российском обществе есть, хотя и незначительная, прослойка людей, ориентированных на долгосрочные горизонты жизненного планирования. Чтобы количественные изменения перешли в качественные, чтобы уверенность на социальном микроуровне производила кумулятивный эффект, стала ориентацией общественных настроений в целом, в рамках социологии будущего определяются возможные социальные сценарии, сфера социальной ответственности россиян за свое будущее.

В современных условиях возникла парадоксальная ситуация, в которой россияне ощущают зависимость от внешних обстоятельств и одновременно полагаются на социальный оптимизм как личностный ресурс [13, с. 144]. Можно предположить, что в рамках социологического анализа актуальным представляется анализ схем восприятия и действия в массовых настроениях в российском обществе в соответствии с корреляцией личных жизненных планов и оценкой перспектив общественного развития. Иными словами, социология будущего содержит возможность легитимации исследований, которая в актуалистской социологии считается обладающей невысокой степенью социологической достоверности.

Российская социологическая мысль в претензиях на статус социального самопознания общества, делая шаг к социологии будущего, последовательна в своем развитии. Словом, проблемы, связанные с социологией будущего, носят социетальный характер: введение в оборот «будущего» как социально-аналитического конструкта делает доступным определение точек роста в различных сферах общественной жизни, освобождение от социологического моноцентризма. В этой связи можно согласиться с С.А. Кравченко в том, что важные атрибуты сложности социума – его самоорганизация и рефлексивность [15, с. 38]. Социология будущего ориентирована на самоорганизацию и рефлексивность общества, анализирует явления, процессы, социальные практики, которые выявляют потенциал саморегуляции и самоорганизации общественной жизни. Подтверждение этого – исследование креативного класса, социального творчества, солидаристских практик. Если полагать, что происходит становление нового социума, для общества позна-

ние будущего необходимо, поскольку речь идет о поддержании целостности и стабильности общественной системы, о том, что в нынешних условиях, когда обнаружались пределы невозобновляемых ресурсов, акцент делается на человеческом капитале. Социология будущего обретает вполне конкретные очертания, как поиск российской модели социального развития, российского варианта социальной модернизации.

Сказанное, в частности, подтверждается тем, что Россия не изолирована от глобальных вызовов, что в российской жизни проявляются последствия глобальных турбулентностей, общественная система показывает определенный уровень неустойчивости, связанный с тем, что 75 % россиян оценивают нынешнюю обстановку в России как нормальную и спокойную, но вместе с тем 52 % полагают, что страну ожидают трудные времена [16, с. 145–146]. При этом сложным становится принятие оптимальных управленческих решений, определяемых логикой «сжимающихся изменений». Социология будущего ориентирована на то, чтобы создать идеальный тип будущего, инвариантность, позволяющую классифицировать, описывать долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные изменения, определять непреднамеренные последствия массовых социальных действий и, таким образом, сохранять способность общества справляться с переменами.

Кроме того, если говорить о социологии будущего, речь не идет об узкой тропинке между абсурдом и детерминизмом [17, с. 223]. Предполагается, что будущее связано с объективностью социологических законов, но содержит вариативность интерпретации, осмысления происходящих процессов как нелинейных и, следовательно, действующих многофакторно, порождающих разнообразие возможностей, не исключая ни хаос, ни достижения оптимального социального порядка.

Следует констатировать, что поиски в социологии будущего определяются альтернативами общественного развития, тем, что референтными для социологии становятся проблемы самой деятельности человека, что особенно актуально в условиях реабилитации, ревитализации фундаментализма, экстремизма, псевдотрадиционализма, как стремление упростить решение социальных проблем, подвергнуть сомнению принцип необратимости социального времени. Для этого есть объективные и субъективные обоснования. Объективные заключаются в том, что российское общество проходит период бифуркации, выбора модели общественного развития, связанных и с принятием смешанной государственно-рыночной модели, и с возвратом к сильному государству. Это свидетельствует о том, что для россиян, в субъективном аспекте, будущее представляется как переосмысление российской социоло-

культурной традиции, как политика связи времен, как нахождение Россией собственного места в глобализируемом мире.

Утрата интереса к будущему свойственна для слоев населения, настроенных на конъюнктурные интересы, на ситуативную выгоду, на кратковременный успех. Такая позиция доминировала в России в 90-е гг. XX в. В нынешних условиях очевидным становится то, что поиск будущего связан со сценарным мышлением, с тем, чтобы и на управленческом уровне, и на массовом сознании доминировало стремление к принятию различных альтернатив общественного развития, сравнение оценки вероятности их реализации и реальных последствий для общества в целом и различных сфер общественной жизни.

Сценарное мышление становится социализационной функцией социологии будущего, инструментом формирования в обществе способности к изменениям и ответственности за последствия возможных изменений. Как отмечалось ранее, кризис модерна как раз и проявляется в том, что теряется чувство обзримости и чувство ответственности. Как признает И. Валлерстайн, действуют долгосрочные структурные тренды, вызывающие геокультурные перемены. Заявляя о наступившем хаосе, И. Валлерстайн видит базовую реальность в непредсказуемости не только средней перспективы, но в незначительно коротком промежутке времени [18, с. 55].

Но И. Валлерстайн признает, что существует возможность новой устойчивой системы и что логичная альтернатива осуществляется в большей демократичности и большей эгалитарности. Указывая на то, что это возможность, а не реальность, можно констатировать, что социология будущего ориентирована на превращение возможности в реальность, на то, чтобы в анализе трендов общественного развития описывать различные степени возможности будущих состояний и явлений. Для этого социологическая мысль имеет достаточный исследовательский задел, связанный с вводимыми в социологический оборот категориями. Самой социологии придается характер сценарного мышления, свойства, характеризующего ситуацию исследовательского выбора в неклассической парадигме социального знания.

Особую проблему представляет то, что в современной социологии наблюдается смешение, отождествление социологического диагноза и социологической экспертизы [5, с. 227]. В социологическом диагнозе действует формально структурированные схемы, соответствующие прагматическому подходу в оценке социальных событий и явлений. Социологическая экспертиза определяется ориентацией на то, чтобы включить механизмы сценарного мышления, сделать интерпретацию

конечных результатов полем дискуссии, привлечения заинтересованных сторон. На этом фоне сценарное мышление обязывает участников диалога к тому, чтобы построить модель вероятного будущего.

Можно сказать, что сценарное мышление требует преодоления клановости, разнонаправленности и раздробленности социологических исследований. В этом смысле социология будущего, определяя сценарное мышление как качество социологического знания, основывается на том, что, как отмечалось выше, квалифицируется в качестве ресурса будущего в российском обществе. Разумеется, важно повышение социальной компетентности россиян, принятие во внимание того, что представление о будущем в массовом сознании в основном формируется под влиянием «идеальных» периодов российской истории. Несомненным заделом является то, что современный период жизни России, «путинская эпоха», соответствует идеалам 32 % россиян [13, с. 261]. Ситуация не может интерпретироваться одномерно, так как, во-первых, очевидным становится освобождение общества от зависимости от прошлого, признание необратимости социальных перемен. Во-вторых, судя по настроениям трети россиян, современная эпоха, несмотря на свою сложность и однозначность, содержит тенденции будущего, вносит ясность в понимание перспектив общественного развития.

Позитивным обстоятельством является и то, что в российском обществе образовалась критическая масса людей, готовых преобразовать настоящее для созидания будущего. В этом контексте роль социологии будущего заключается в том, чтобы определить вероятность сценариев развития российского общества. Это важно и в связи с тем, что половина россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события российской истории происходили «не просто так» [13, с. 260]. Можно, конечно, согласиться с тем, что признается особый исторический путь России. В этом есть и поддержка российского мессианизма, но в социологии будущего историческая миссия обретает вполне реально осознаваемый смысл нахождения России своего места в современном мире как великой гуманитарной державы, обладающей высоким культурным, интеллектуальным, научным потенциалом, занимающей уникальное место в евразийской цивилизации и служащей моделью мирного сосуществования народов в рамках единого государства.

Таким образом, актуализируемые в социологии будущего проблемы содержат возможность открытия поля дискуссий и понимания нынешнего состояния российского общества, а также то, что можно рассматривать в качестве социального проекта. Можно говорить о том, что социология будущего включает в себя становление социально солидар-

ного общества, в котором социальные институты перестают носить амбивалентный характер и реальностью становится доминирование института социального развития. С другой стороны, российское общество преодолевает традицию негативной мобилизации и вырабатывает в качестве ответа на глобальные вызовы конструктивное сосредоточение на внутренних проблемах.

В социологии будущего преодолевается противоречие между результативными, но содержащими дозу социального скептицизма прикладными исследованиями, фиксирующими социальные неравенства в российском обществе, и проективной социологией, в которой само настоящее рассматривается как социальный проект, находящийся в состоянии становления. Социальные творческие практики в российском обществе, связанные с социальным солидаризмом, демократией участия, пока не являются мейнстримными, но их влияние заключается в том, что осознается будущее России как социально справедливое и разумно организованное общество. Если в достижение социальной справедливости предстоит внести свой вклад российским элитам в сотрудничестве с социально активными слоями российского общества, с российским креативным классом, разумная организованность общества основывается на разработке концепции социологии будущего, на том, чтобы через введение в социологический оборот понятий будущего, сценарного мышления, социальной активности, солидаристских практик диагностировать потенциал саморегуляции и самоорганизации российского общества.

Это важно для понимания того, что социология будущего расширяет предметное поле социологии, по-новому определяет перспективы ее развития и нацеливает на анализ будущего как реальности, выражаемой в отношении к настоящему.

Литература

1. Urry J. What is the Future? Newcastle, 2016.
2. Горшков М.К. и др. О чём мечтают россияне. М., 2012.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.
4. Urry J. Global Complexity. Cambridge, 2003.
5. Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза. М., 2015.

References

1. Urry J. What is the Future? Newcastle, 2016.
2. Gorshkov M.K. i dr. O chem mechtayut rossiyane? M., 2012.
3. Vallerstayn I. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka. M., 2003.
4. Urry J. Global Complexity. Cambridge, 2003.
5. Volkov Yu.G. Sotsial'naya diagnostika i sotsiologicheskaya ekspertiza. M., 2015.

6. Волков Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России. М., 2011.
7. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М., 2009. 280 с.
8. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии. М., 2013.
9. Волков Ю.Г. Социальная экспертиза. М., 2015.
10. Бурдые П. Начала. М., 1994.
11. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М., 2015.
12. Хомский Н. Создавая будущее. М., 2015.
13. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 2. М., 2016.
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
15. Кравченко С.А. Контуры гуманистической теории сложности // Россия реформирующаяся. Вып. 11. М., 2012.
16. Горшков М.К. и др. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М., 2015.
17. Пригожин И., Стенгерс И. Квант, хаос, время. К решению парадокса времени. М., 2003.
18. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным. Книга: Есть ли будущее у капитализма. М., 2015.
6. Volkov Yu.G. Kreativnost': istoricheskiy proryv Rossii. M., 2011.
7. Zakariya F. Postamerikanskiy mir budushchego. M., 2009. 280 s.
8. Toshchenko Zh.T. Novye tendentsii v razvitii rossiyskoy sotsiologii // Novye idei v sotsiologii. M., 2013.
9. Volkov Yu.G. Sotsial'naya ekspertiza. M., 2015.
10. Burd'e P. Nachala. M., 1994.
11. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni». M., 2015.
12. Homskiy N. Sozdavaya budushchee. M., 2015.
13. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'. T. 2. M., 2016.
14. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M., 2000.
15. Kravchenko S.A. Kontury gumanisticheskoy teorii slozhnosti // Rossiya reformiruyushchayasya. Vyp. 11. M., 2012.
16. Gorshkov M.K. i dr. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. M., 2015.
17. Prigozhin I., Stengers I. Kvant, khaos, vremya. K resheniyu paradoksa vremeni. M., 2003.
18. Vallerstayn I. Strukturniy krizis, ili Pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnym. Kniga: Est' li budushchee u kapitalizma. M., 2015.